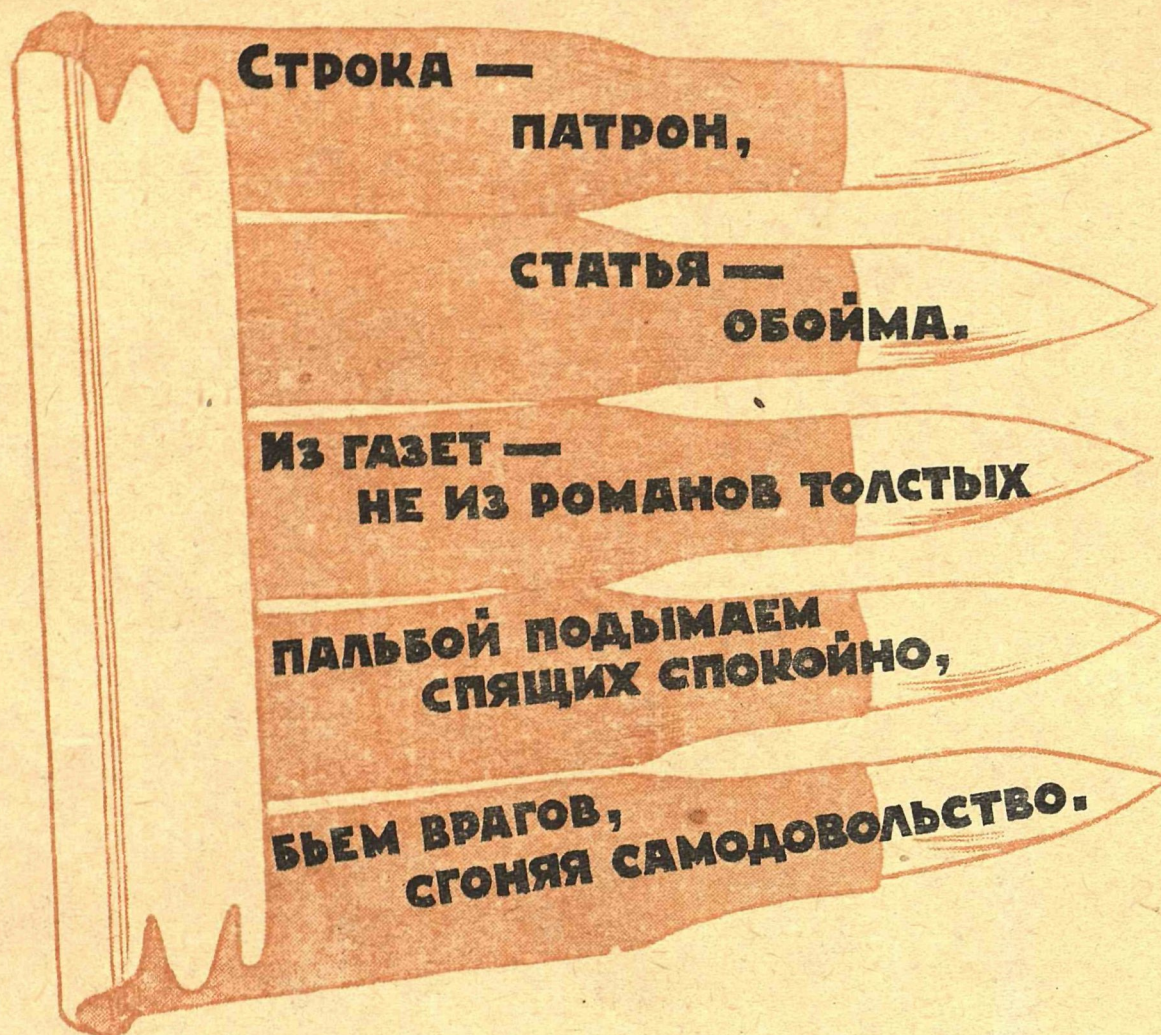

К Р О К О Д И Л

К 556/
41г

Маяк
Советской
поэзии

Непроизнесенная речь

ОН БЕРЕЖНО и любовно вытер свою ярко сверкающую лысину и продолжал:

— Еще и еще раз, дорогие... Я уже подхожу к концу своего доклада и задержу ваше внимание не больше как на пять—шесть минут... Еще и еще раз, дорогие товарищи, мы должны с особой силой подчеркнуть, что Владимир Владимирович Маяковский является лучшим поэтом нашей эпохи. Да, да, эпохи!

Но, к великому сожалению, есть еще у нас люди, которые пытаются уменьшить величавый образ поэта. Они говорят: почему вы, критики, не пишете о Маяковском? Наивные люди! Да разве это обыкновенный, рядовой член Союза писателей, с которым я ежедневно встречаюсь в Литфонде и в клубе? О таких гигантах, как Шекспир, Руставели, Низами, Маяковский, пишут только в дни торжественных юбилеев, а не в обычные, серые будни. Это понимать надо! Да, да, понимать!

Ведь каждая строчка Владимира Владимировича требует пристального изучения, целой монографии. Возьмем, к примеру, такое забываемое по своей остроте и звучанию двустишие, как... Незабываемое двустишие... Сейчас... Сейчас найду... Вот оно...

«А ночь такая лунная,
Поговори-ка ты со мной, подруга семиструнная...»

Что хотел сказать Владимир Владимирович этими заостренными строчками? Он хотел сказать... Что? Ах, да... Простите... Я не тот листок взял... Но дело не в этом. Вы и без меня, дорогие товарищи, хорошо знаете стихи этого великого поэта. Да, да, великого!

Так давайте же не умалять его имени и с величайшим вниманием будем относиться к памяти Игоря... Виноват, Владимира Маяковского. Давайте учиться у него. Что такое поэзия Маяковского? Это грубая, злободневная агитка, которая теперь уже не звучит, никого не трогает... А? Вот именно. Находятся еще у нас такие пошляки, которые пытаются так утверждать. Да, да, пытаются. И надо крепко ударить по рукам этих зарвавшихся граждан.

Этим людям нужна не боевая поэзия, а стишки, песенки, романсы:

«А ночь такая лунная,
Поговори-ка ты со мной, подруга семиструнная...»

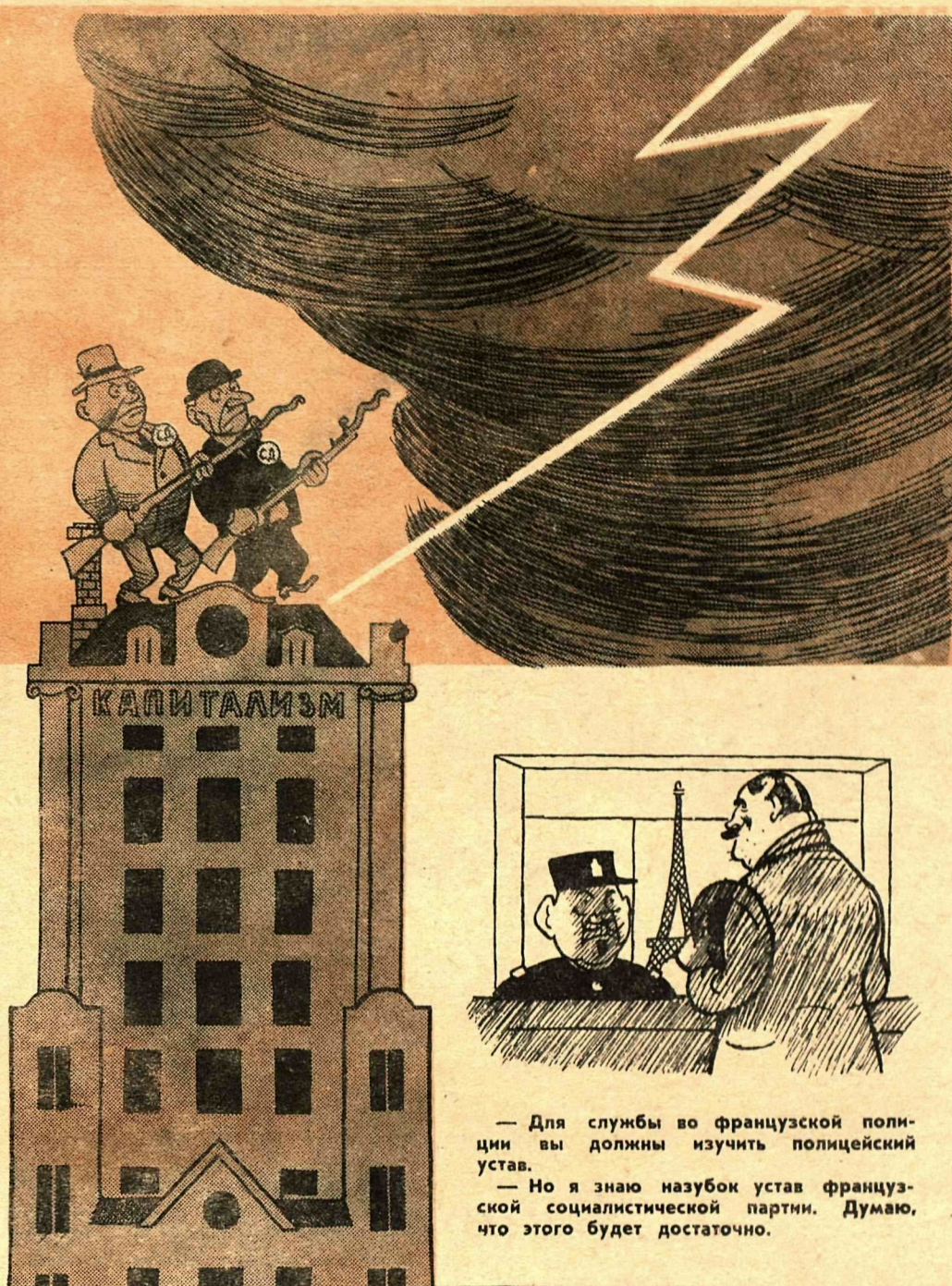
Вот какие пошлости волнуют их сердца. И поэтому они требуют, чтобы искрометные строки Владимира Владимировича были переложены на музыку. Но нет! наших композиторов не поймает на эту мелкобуржуазную удочку. Наши композиторы могут переложить на музыку шопот, робкое дыханье, трели соловья, крик петуха, кудахтанье курицы, прейскурант нефтелавки. Но они не дерзают прикоснуться к великому наследию великого поэта. Да, да, не дерзают! Еще и еще раз повторяю: надо, дорогие товарищи, бережно относиться к памяти всеми нами любимого Сергея... Виноват, Владимира Владимировича.

А встречаются у нас еще и такие вульгаризаторы, которые настаивают на том, чтоб ставили в театрах пьесы Маяковского. Дескать, они еще не потеряли своей остроты и все такое прочее. Владимир Владимирович оставил нам большое драматургическое наследство, которое будет звучать в веках. Я уверен, что его пьесы будут волновать наших потомков через сто и двести лет. Но теперь они еще будут недоступны рядовому зрителю. Не надо забегать вперед. Это ведь не пьеса обыкновенного члена драмсекции. В каждой его пьесе глубокая философия, острая мысль. А к тому же, где взять того режиссера, который дерзнет поставить такие гениальные пьесы? Такой режиссер придет. Я уверен, он будет. Но теперь мы его с вами еще не видим. Да, да, не видим!

Я заканчиваю. И в заключение хочу напомнить вам крылатые слова Владимира Владимировича: «Хоть арфа сломана, аккорд еще...» Что? Ах, да. Но не в этом суть. В наши дни аккорды не рыдают, они должны бодро отражать эпоху. А что касается Маяковского, талантливейшего поэта нашей эпохи, то мы все, как один, должны учиться у него и, помня его заветы, бороться с мешанами и пошляками. Да, да, с пошляками!..

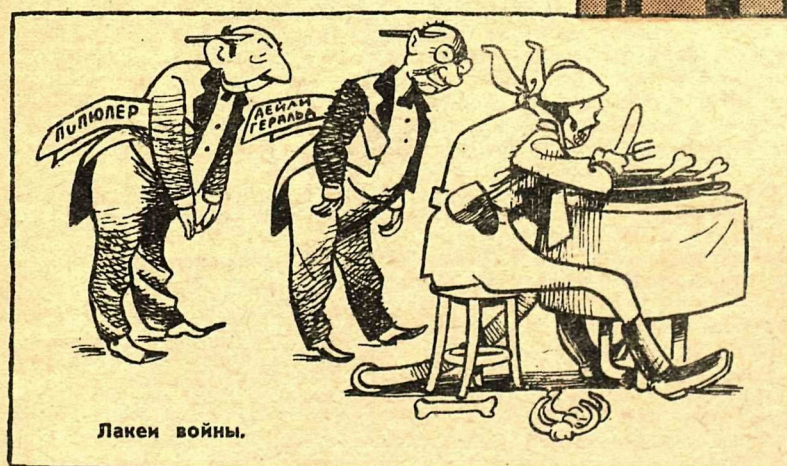
Г. РЫКЛИН

А еще повыше,
там, куда не видно без очков,
на границе
от земли
к небесным сводам
парочка меньшевичков —
громоотводом.

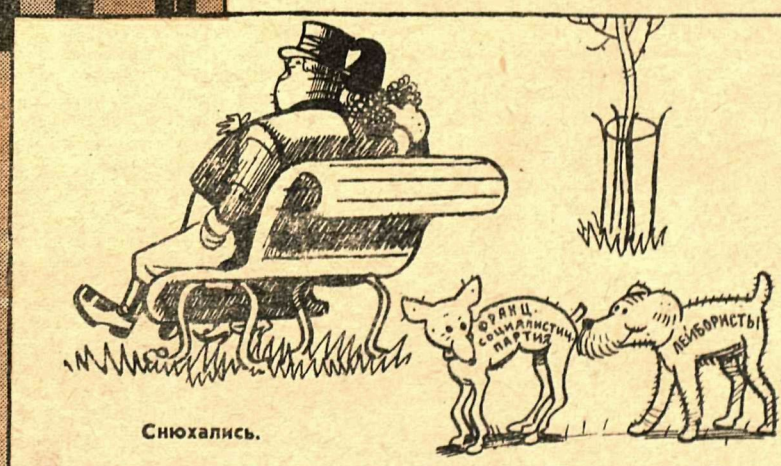

— Нам, социалистам, хорошо знакомы
интересы трудящихся.
— Еще бы, ведь вы не первый год
торгуете ими!

— Для службы во французской поли-
ции вы должны изучить полицейский
устав.
— Но я знаю наизусть устав француз-
ской социалистической партии. Думаю,
что этого будет достаточно.

Лакеи войны.

Снюхались.

ЮГ 40

Меньшевики—такие люди:
мамашу могут проиудить.

В полицейской
бойне,
круша и калеча,
полиция соревнуется —
особенно эсдечься.

Снежный

1. КАК БЫЛО ДЕЛО...

В ПЕРВУЮ годовщину со дня смерти В. В. Маяковского начинающий писатель Ш. принес в газету свои воспоминания о покойном поэте. «Как сейчас помню, дело было в 1929 году,— писал Ш.— Из провинции приехала моя старая знакомая Зиночка С. Пристала, как с ножом к горлу, хочу сегодня на вечер М-го. Я туда, сюда, билетов, конечно, нет. Думаю, чем чорт не шутит, попрошу самого М-го. Узнал, где он живет, отправился. Представился—начинающий, мол, писатель, и дозарезу нужно быть сегодня в вашем вечере. Он спорить не стал, вошел в положение и написал пропуск. Правда, все это оказалось зря: Зиночка закапризничала—хочу в кино на боевик. Так и не пришлось его услышать...»

2. ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

«Вчера на вечере памяти М-го с интересными воспоминаниями о своих встречах с поэтом выступил молодой писатель тов. И. Шельма: — С М-им мне приходилось встречаться неоднократно. Помню, например, такой случай. Приехали ко мне друзья из провинции. Что, думаю, показать им из московских достопримечательностей? Конечно, М-го в первую голову. Билетов, конечно, нет. Звоню М-му.

— Владимир, выручай — так, мол, и так — группа моих личных друзей жаждет...

— Такой жаждой томится человек каждый, — пробасил в телефон Владимир Владимирович со своим неисчерпаемым остроумием (смех в зале). — Кбоче говоря: сколько?

— Десять мест, не много ли?

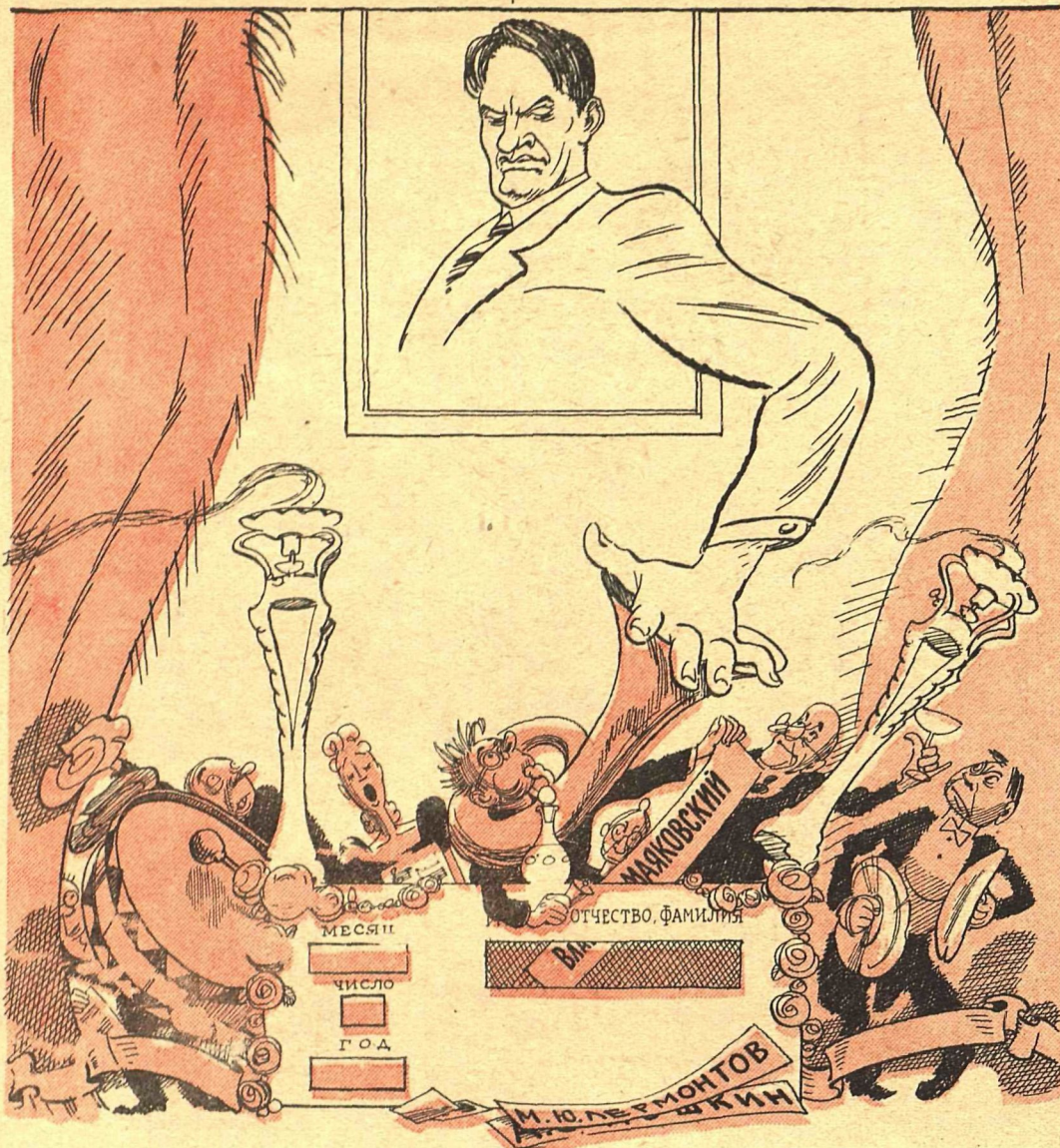
— На моих вечерах бывало и больше, — опять сострил М-ий (с м е х), — валяй за пропуском!

Ну, самый вечер я вам описывать не буду, М-ий превзошел сам себя — это был фонтан остроумия, бьющий как из рога изобилия. Мои друзья, сидевшие в первом ряду, получили полное удовольствие».

3. ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЛЕТ

В различных газетах и журналах появились отрывки из воспоминаний писателя И. Д. Шельма о его встречах с великим поэтом:

«Я познакомился с В. В. Маяковским в 1923 году. Мне на глаза попался рекламный лозунг

Я сам расскажу
о времени
и о себе.

Через десять лет

МЫ ПРИЕХАЛИ в один из клубов для того, чтобы провести вечер памяти Маяковского: лектор, который должен был произнести вступительное слово, чтита и нескольких литераторов, желающих поделиться с аудиторией воспоминаниями о поэте.

Нас отвели в маленькую комнату за сценой. Вечер начался с некоторым опозданием. Лектор, поминутно откашливаясь и перхая, вялым голосом стал излагать содержание газетных статей на тему «Маяковский и поэзия».

Мы, дожидавшиеся своей очереди, сидели в плохо освещенной комнате, выходявшей прямо на сцену. Разговаривать можно было только шопотом: иначе мы помешали бы лектору. А негромкий его голос явственно раздавался в нашей комнате. Невольно мы стали прислушиваться к тому, что этот голос сообщал зрительному залу:

— ...и вот, товарищи, впоследствии Маяковскому пришлось преодолевать в себе те индивидуалистические корни формалистического футуризма, которыми была запечатлена...

Голос у лектора был жидкий, говорил он на одной ноте, никак не меняя интонацию. И оттого, что ему часто приходилось повторять слово «Маяковский», он признался фамилию поэта скороговоркой: «Мковский...»

А потом даже и просто: «ковеский...»

— Если мы сравним те ранние произведения «...ковского», которые характерны для предвоенного буржуазного футуризма, то мы

увидим, что «...жовский» сумел найти в себе силы для того, чтобы...

Грошный человек: я стал дремать под это однообразное, унылое журчание. Неизвестно, сколько времени я находился в забытьи, но проснулся я от того, что чей-то сильный и хорошо поставленный бас произнес, очевидно, из зрительного зала:

— Гражданин, вы о чем, собственно, разговариваете?

Как это бывает при внезапном нарушении традиционной и хорошо налаженной церемонии, произошла короткая пауза, затем в аудитории возник гул недоумения.

Чорт возьми, где я слышал этот голос? А я его слышал! Я его, очевидно, хорошо знал! Я быстро вышел из комнаты, в которой сидел, и выглянул в зал из-за второй кулисы.

По проходу зрительного зала на сцену шел человек очень высокого роста. Он шел вразвалку, необыкновенно большими шагами и слегка волоча ноги. На первый взгляд, походка казалась неуклюжей, но почти сейчас же вы начинали понимать: эта походка как бы объявляла вам, что человек не желает быть изящным в том смысле, как оно понимается в театрах и гостиных. У него были огромные плечи. Круглая голова была вскинута вверх.

Когда человек подошел к первым рядам, свет прожекторов осветил его лицо. Большие карие глаза, зрачки которых чуть уходили под верхние веки, суровые брови и вертикальная

морщинка над мясистым носом. В углу крупного рта, казалось, самостоятельной жизнью жила коротенькая папироска: когда человек этот молчал, папироса надменно поднималась кверху и была просто дерзкой. Когда он заговаривал, папироса покорно опускалась вниз и ничуть не мешала его громоподобному голосу.

Небрежно, одним шагом он поднялся на сцену. Лектор просто попятился поближе к кулисе.

— Я не знаю этого вашего «...ковского», — начал нарушитель лекционного обряда, — но если он действительно поэт, то он вас не благодарит за ваше та-рах-те-ние.

В зрительном зале возник настоящий шквал смеха. И не сразу восстановилось спокойствие, хотя нарушитель мимикой показывал, что он желает разговаривать с аудиторией. Наконец, ему удалось сказать:

— Товарищи, позвольте мне поговорить с вами о поэзии. Товарищи, меня зовут Владимир Владимирович Маяковский...

— Считаю, что мы познакомились. Так вот. Не для того пишут поэты, чтобы потом на их голове плясали прохладные комментаторы и пояснители. О поэзии можно говорить, только если любишь ее и уверен, что можешь свою любовь донести до слушателей.

Бурные аплодисменты и сразу — полная тишина. Маяковский привычным жестом бросил

«Нигде кроме, как в Моссельпроме». Я прочитал его. Спрашиваю: «Кто это написал?» Говорят: Маяковский. И я тогда же подумал: этому палец в рот не клади.

Через несколько лет судьба столкнула его со мной.

Был чудный весенний день. В демисезонном пальто нараспашку, в сером с иголки костюме я стоял у под'езда Дома Герцена. Вдруг большими шагами подходит ко мне огромный человек в кепке, грудь колесом и говорит:

— Вы Шельма? Давайте познакомимся: я Маяковский.

С тех пор у нас установились самые близкие, дружеские отношения. Я не пропускал ни одного его концерта, на которые он аккуратно присылал мне контрамарки в первом ряду. Несколько раз мне самому приходилось заходить за ними.

Обычно я заставлял его за чтением последнего тома Большой советской энциклопедии. Сидел, читал, делал выписки. Он неудержимо стремился к знанию. Иногда он звонил мне — посоветоваться по поводу какой-нибудь сложной рифмы, часто забегал ко мне потолковать о литературе, живописи, науке, музыке, архитектуре. Я встречал его в сиреневой пижаме с большими отворотами.

Он нянчился с моими детьми, читал им свои популярные сказки. Сколько тут было непринужденных шуток, неумного смеха!

Что и говорить, великий был поэт! Дружба с ним прошла красной нитью через всю мою жизнь...

4. К ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ

Хроника в «Литературной газете»:

«Наш сотрудник побывал на даче у известного писателя Ивана Шельма за подробностями его встреч с великим поэтом В. В. Маяковским. Иван Данилович остроумно ответил нам строчками Маяковского: «Я сам расскажу о времени и о себе».

И действительно: в ближайшее время выходит в Гослитиздате том его мемуаров «Мои встречи с Маяковским». Одновременно в Детиздате печатается повесть для детей о Маяковском под заглавием «Грудь колесом». Для детфильма уже сделан сценарий под тем же названием. Ведутся переговоры с театром Юного зрителя и Мультифильмом. Иван Данилович подумывает и об оперном либретто...»

В. БЛАЖЕННЫЙ

— Не люблю я Маяковского, но тридцать докладов о его творчестве все-таки сделал.

папиросу на пол, придавил ее тяжелой каучуковой подошвой коричневого ботинка, снял пиджак и аккуратно повесил его на стул, освободившийся после бегства лектора. Он одернул книзу темный вязаный жилет и чуть заметным движением юбейх ладоней подтянул брюки. Затем помолчал. Сделал шаг вперед и начал:

«Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной».

Впрочем, к чему приводить полностью эти слишком известные строки последней и, вероятно, самой удивительной его вещи — первое вступление в поэму «Во весь голос». Скажу только, что когда поэт говорил:

«И мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.

Но я
себя
смирять,
становясь

на горло
собственной песне...», —

в зрительном зале стало еще тише, хотя тишина была, как уже сказано, полнейшей. Поразительная вещь — эта сверхтишина, которая появляется только, когда все, без исключения, присутствующие взволнованы тем, что проис-

ходит перед ними. К этому всю жизнь стремятся и ораторы, и поэты, и артисты. Только немногим, очень немногим дано хотя бы раз в жизни добиться такой тишины, которая, как это ни странно, показывает предельную взволнованность всей массы людей, находящихся сейчас здесь.

И действительно, надо было в течение двадцати лет быть первым поэтом своей страны, для того чтобы иметь право сказать:

«Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
...И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий».

Презрительно опустив книзу уголки губ, поэт говорит:

«Мне наплевать
на бронзы многопуде,
мне наплевать
на мраморную слезы.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм».

Маяковский кончил читать. Он опустил голову и подчеркнуто спокойной походкой направился к стулу — за пиджаком.

Аплодисментов не было. Была все та же сверхтишина, которая появилась в самом начале чтения. Если это возможно, тишина стала даже еще явственнее, еще глубже. Прошло примерно с полминуты, пока начались рукоплескания. Надо ли говорить, что это была настоящая овация?

Опытные ораторы и артисты знают: вот такая пауза перед аплодисментами — она и есть высшая степень успеха...

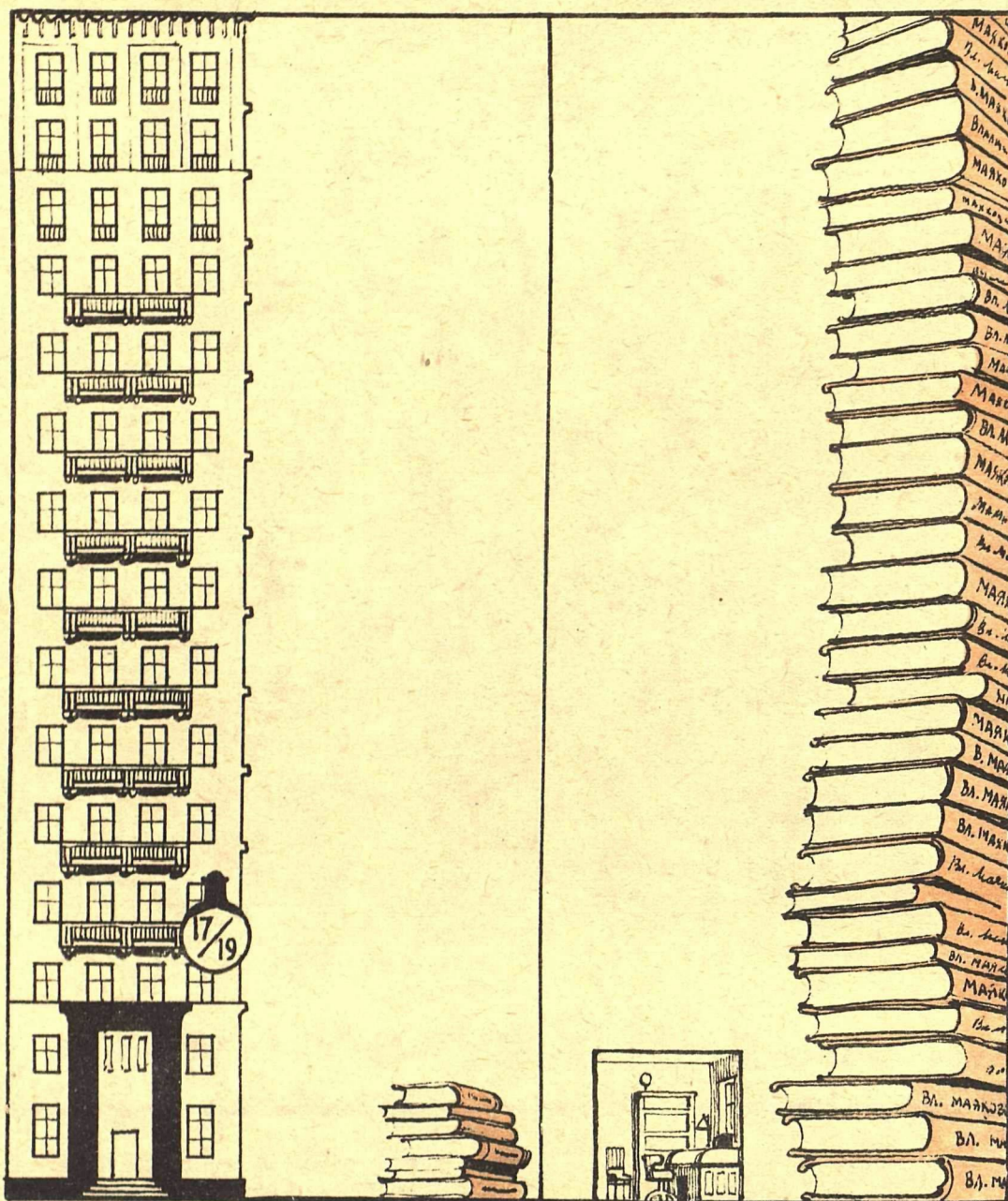
...Аплодисменты разбудили меня. В действительности это было совсем не так бурно. Просто: скучный лектор кончил свою беседу, и ему вяло хлопали. Все остальное мне только приснилось. Впрочем, это не совсем так: десять лет назад, 25 февраля 1930 года, я слышал выступление Маяковского на открытии клуба мастеров искусств. Именно тогда он первый раз прочитал вступление в поэму «Во весь голос». И тогда все произошло именно так, как здесь описано. Лично я не знаю впечатления от искусства более сильного чем тогдашнее выступление Маяковского. Поэтому, очевидно, я до сих пор храню в памяти все подробности.

Поэтому, очевидно, мой сон в плохо освещенной комнате за сценой был таким, как он описан выше.

В. АРДОВ

Жилой дом писателей на Лаврушинском

Комната Маяковского в Лубянском

Цех и его продукция

Цех и его продукция

Маяковский на трибуне

Голоса из публики. Маяковский! Попросите передних сесть сбоку, а то ничего не видно.

Маяковский. Просверлите в них дырочки и смотрите насквозь.

Опять голоса из публики. Маяковский! Попросите передних сесть, а то вас не видно.

Маяковский. А сияние над моей головой, надеюсь, видите?

Из публики. Попросите выйти из проходов.

Маяковский. Я целую неделю истратил, чтоб собрать вас сюда, а теперь еще выводил.

Из публики проталкивается на эстраду толстый маленький человек. Он клеймит Маяковского:

— Так нельзя, товарищ! Вы такой гениальный поэт, а разговариваете так грубо с публикой и всё — я да я. Разве вы не знаете, что от великого до смешного один шаг?

Маяковский глазами измеряет расстояние между собой и рядом стоящим оппонентом и замечает:

— А, по-моему, даже меньше.

* * *

На каком-то диспуте во время длинной речи оппонента часть публики кричала: «Просим!», — а другая: «Довольно!» Тогда Маяковский поднялся и сказал:

— Ну, я всех примирю.

И, обращаясь к оппоненту:

— Просим: «Довольно».

И затем произнес свою речь.

Не те стихи

ДЕСЯТУЮ годовщину со дня смерти В. В. Маяковского в учреждении решили отметить специальным вечером, с чтением стихов поэта. Вызвалось немало охотников.

— Творчество великого поэта многообразно, — сказал председатель месткома Шипчиков, — оно является разящим оружием. Надо взять самые острые стихи, выбрать наиболее меткие строки и довести их до самых широких масс служащих нашего учреждения.

Тут же из библиотеки было принесено собрание сочинений поэта. Все уселись вокруг стола и начали выбирать самые острые стихи.

— Вот здорово написано! — сказал завхоз Крюков и прочел вслух:

«А праздных ораторов
на мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова».

— Нет, это, пожалуй, не подойдет для нашего учреждения, — сказал Шипчиков, любивший поговорить на собраниях. — Во-первых, мукомолы не имеют отношения к нашему ведомству, и командировать к ним наших работников мы не имеем права. Во-вторых, насколько я знаю, мельничное хозяйство оснащено более современной техникой чем жернова... Надо подобрать что-нибудь такое... злободневное.

— Хм... вот какие-то забавные строчки, — сказал бухгалтер Чтосс:

«В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится разорваться!
До пояса здесь,
а остальное
там».

Шипчиков задумчиво постучал карандашом: — О заседаниях, я думаю, неактуально. Заседания являются методом работы. Без заседаний нельзя решить ни одного вопроса... Нас за такие стишки так вздрючат, что ого-го! Вызовут в обком союза и проработают... Давайте без этого. Мало ли стихов у Маяковского! Вон сколько книжечек написано!.. Сто, говорит, томов... Надо найти что-нибудь о борьбе с волокитой, с подхалимством.

— Вот подходящие стихи, — отозвался юноша-счетовод и громко прочел:

«Ухо в метр
— никак не менее —
за начальством
ходит сзади,
чтоб, услышав
ихнее мнение,
завтра
это же сказать им.
Если ж
старший
сменит мнение,
он
усвоят
мнение старшино...»

«Хорошо», сделанное на «отлично».

— Остро сказано, — одобрил Шипчиков, — это акурат годится.

— Возражаю, — заявил вдруг бухгалтер Чтосс. — Как же это получается? Воспитывать неуважение к старшему по должности? Я давно замечал, — обратился он к юноше-счетоводу, — что вы ни во что не ставите мнение началь ника... Молоды вы иметь свое мнение! Вы должны слушать меня и думать так, как думаю я. Иначе, как же составлять баланс?

— А ведь верно, — согласился Шипчиков, — как бы не вышло недоразумения... Уж слишком остро как-то!

— Ну, тогда возьмем стихотворение «Столп», — предложил старший экономист Грудь.

— Огласите.

Экономист Грудь стал читать:

«Товарищ Попов

чуть-чуть не от плуга.

Чуть

не от станка
и сохи.

Он —

даже партиец,
но он

перепуган,

брюзжит

баритоном сухим:

«...Ведь это —

подрыв,

подкоп ведь это...

Критику

осторожненько

должно вести.

А эти

критикуют,

не щадя авторитета,

ни чина,

ни стажа,

ни должности».

— Чш... замолчите, — зашикали все присутствующие. — Ведь Степан Петрович может принять это на свой счет!.. Как можно!

— Тут имеется намек на членов партии, — сказал Шипчиков. — А кроме того вопрос о зажиме самокритики в нашем учреждении уже и без того поставлен в соответствующих организациях. Нет, нет! Эти стихи не годятся!

— Есть еще вот о помпадурах, — робко под-
сказал кто-то.

Но Шипчиков только махнул рукой.

— Собственно говоря, хороших стихов для декламации я у этого Маяковского не вижу, — сказал бухгалтер Чтосс. — Вот раньше бывали стишки!

И, закатив глаза, он произнес приглушенным голосом:

«Сакья-Мунн, каменный гигант!»

— Что ж делать? — вздохнул Шипчиков. — Придется ограничиться портретом в стенной газете. Почтить память великого поэта все-таки надо. А то, знаете, вызовут в обком союза, да и вздрючат хорошенько... Жаль только, что стихи всё какие-то не те...

НЕСТОР НЕТОПИСЕЦ

«Баня» без капли воды, но моет превосходно.

СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ

Небось

не напишут

мой портрет, —

не трут

понапрасну

кисти.

Рис. А. Радакова

— У меня с Рафаэлем много общего. Он, как и я, никогда не писал портретов Маяковского.

Маяковский на трибуне

1926 год. Недели за две до лекции Маяковского на диспуте в Мюзик-холле об есенинщине толпа «есенинских невест» сорвала криком и свистками выступление Н. Н. Асеева. Маяковский в Политехническом:

— Недавно не дали выступить против есенинщины одному моему товарищу.

Гул, крики:

— И тебе не дадим! Долой!

Перебивая обструкцию, гремит Маяковский с трибуны:

— Меня вы своим «долоем» с трибуны не сгоните! Всю лирику Есенина (зал затихает) я уложил бы в две строки бульварного романа:

«Душа моя полна тоски,

А ночь такая лунная».

Хохот. Аплодисменты. Маяковский, наклоняясь к микрофону:

— Товарищи! Слушайте, как аплодируют человеку, который выступил против Есенина!

* * *

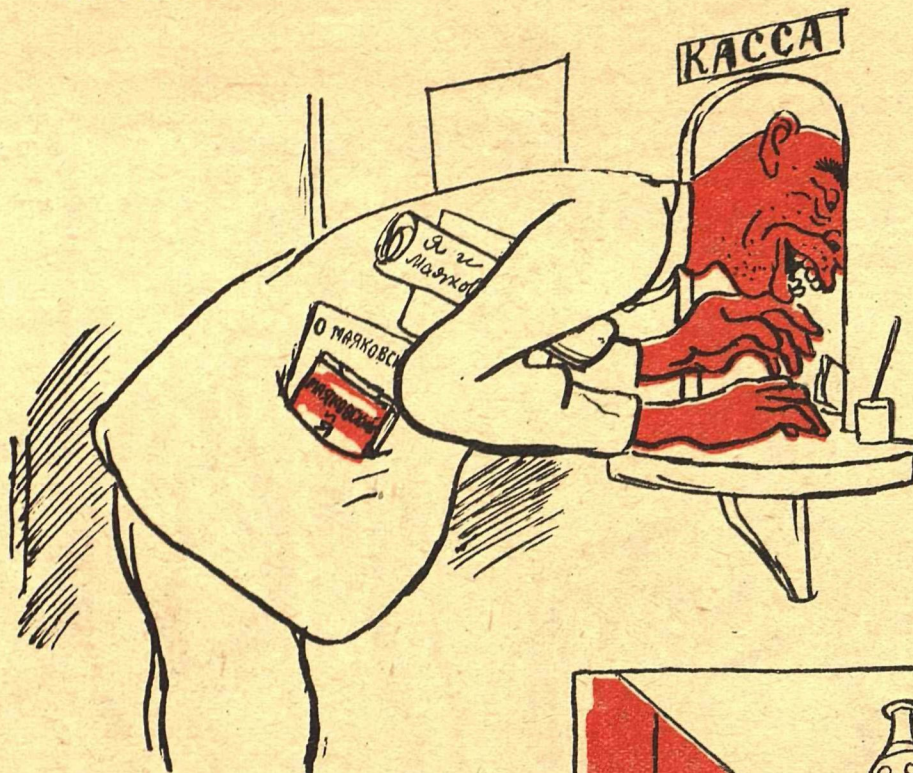
1922 год. Заседание в Наркомпросе по плакатам для азбуки — азбуки взрослых. Собраны лингвисты, почтенные, седовласые профессора в тяжелых золотых очках. Здесь же недоуменно пожимающий плечами Маяковский. Придумывают слова для азбуки: А — арбуз, атом; Б — блоха, берет... Маяковский молчит.

— Владимир Владимирович, ваше мнение?

— Арбуз? — задумчиво говорит Маяковский. — Блоха? Бей белых! Вот что нужно для второй буквы азбуки!..

Собрал А. КРУЧЕНЫХ

Поговорим

НЕ ОТХОДЯ ОТ КАССЫ

— Маяковский меня терпеть не мог.
Зато я его обожаю.

...смотреть
без конца,
без края смотреть
в чужие
дела и постели.

ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ

— Отсюда он так часто меня ругал...

ВСЕШ—ВНИМАНИЕ

— Не выношу я этого обывательского шопота. Ничего разобрать нельзя.

И, сняв
служебные гужи
узнавши,
час который,
домой
приедет, отслужив
и...
опускает шторы.

КАНДИДАТ ИЗ ПАРТИИ

— Сколько времени вы в партии!
— Ежедневно от десяти до четырех.

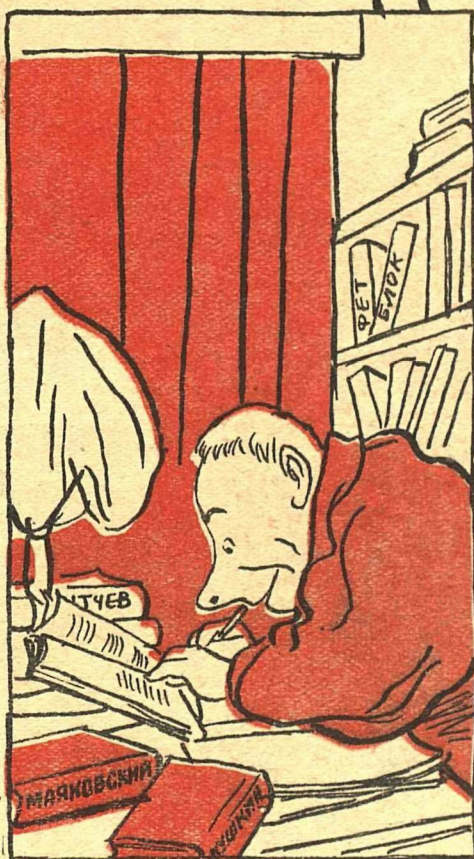
БЕЗ ПРО

— Бумаги я подписал без задержки. Там
там было написано.

о друзьях...

Тянет,
как фокусник,
строчку изо рта
и у себя
и у других.

ПЛАГИАРИЙ

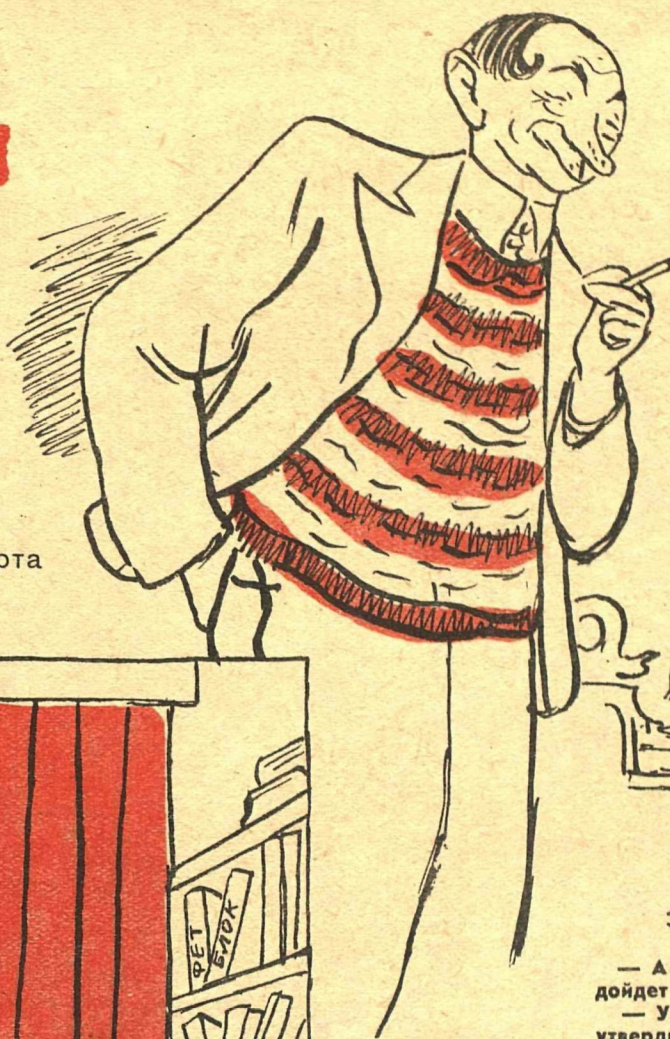
— Еще одно последнее списанье,
и рукопись окончена моя!

Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:
куда,
зачем,
Собственную тетушку
кого?
назначит римской папой.

ОВОЛОЧКИ

только не забудьте потом доложить, что

Критика
снизу —
это яд.
Сверху —
вот это лекарство!

ЗНАЕТ, ЧТО ДЕЛАЕТ

— А вы уверены, что ваша критика
дойдет до заведующего?
— Уже дошла. Петр Кузьмич вчера
утвердил тезисы.

Мнение —
это не имянье,
потерять его
нестрашно.

СОГЛАСОВАННОСТЬ

— Но ведь это же — не ваше мнение, а директора.
— Совершенно верно. Мы с ним вчера обменялись мнениями.

— Я уже много лет толкую массам, что Маяковский им непонятен.
Да разве ж они это поймут!!

Во весь голос

ВОТ какой занятный случай произошел в нашем драмкружке. Кружок у нас небольшой, человек двенадцать, но все ребята способные, хорошие и до конца преданные нашему самодеятельному драматическому искусству.

Готовили мы «Женитьбу», сочинение Гоголя, а режиссером у нас был Сергей Павлович. Лысый такой артист, но очень талантливый. Готовим мы, значит, «Женитьбу», репетируем каждый вечер, как вдруг нашего Сергея Павловича сманивает драмкружок соседнего клуба, и он бросает нас с «Женитьбой» за десять дней до постановки. Что делать? Выбираем мы тогда, пока нам подыщут нового, режиссером Васю Клеточкина. Симпатичный такой блондин. Наш же служащий. А

выбираем мы его потому, что его дядя театральным пожарным служил и Вася через него во всех театрах перебивал, почти все постановки видел и даже многих артистов в лицо, без грима знал. Вот на основании этих данных мы ему и поручаем ответственную должность врио режиссера.

Вася с охотой соглашается, но на первой же репетиции мы глубоко разочаровываемся, так как со всей очевидностью выясняется, что Вася этим делом заниматься не умеет, а только нас путает и сам путается. Репетируем мы, значит, путаемся. Вася кричит на нас, что мы «бездарные», мы кричим на Васю, что «от бездарного слышим». И получается у нас постановка не «Женитьбы», а сумасшедшего дома. И вот среди этого крика вбегает наш заве-

дующий клубом и тоже начинает кричать.

— Что это, — кричит, — за драмкружок на мою голову! Одни крики, и никаких постановок! Где «Женитьба»?

Мы в свою очередь кричим ему обратно, что «Женитьбы» нет, потому что у нас режиссера сманили, и до тех пор, пока он нам не подыщет нового, пусть о «Женитьбе» и не заикается. Тут заведующий стихает и шопотом обещает дать нового режиссера, только в следующем квартале, так как деньги, ассигнованные на наш кружок, он временно перебросил на кружок кройки и шитья. Убедительно просит нас не распадаться, а, законсервировав «Женитьбу», срочно приготовить вечер, посвященный творчеству Маяковского.

Это предложение с радостью принимается, консервируется «Женитьба», и мы все расходимся по домам, с тем чтобы каждый выучил какое-нибудь стихотворение Маяковского.

В назначенный вечер наш клуб был так переполнен, что даже заведующий едва пробрался. На каждом стуле почти двое сидело.

Весь наш кружок в полном составе и в большом волнении ходил по сцене и тихонечко дозубривал свои стихотворения.

Вася Клеточкин берет на себя конферирование и начинает составлять «порядок»: кому за кем выступать. После небольших перебранок и личных выпадов устанавливается очередь, и Вася начинает спрашивать, кто чего будет читать.

Спрашивает Марусю Байкину:

— Ты чего будешь читать?

— «Стихи о советском паспорте» буду читать,— отвечает Маруся.

Вася записывает и обращается к Пете Кустикову:

— А ты чего?

Петя как-то заерзал и говорит:

— Какое удивительное совпадение: я тоже «Стихи о советском паспорте» выучил.

Тут выясняется, что все двенадцать членов нашего «кружка» выучили «Стихи о советском паспорте».

Что делать?! Полная растерянность. Все в панике. Кроме Маруси Байкиной. Она первым номером выступает, ей все равно. А каково последующим?

И вот среди этой паники вбегает заведующий и напускает паники еще больше:

— Что это за драмкружок на мою голову! Уже давно начинать пора, а они здесь прохлаждаются!

Мы ему объясняем, какая произошла катаклизма в смысле выбора стихотворений.

— Это,— кричит заведующий,— ваша вина, что не согласовали, кому чего выучивать! И почему это, скажите пожалуйста, как Маяковский, так обязательно «Стихи о советском паспорте»? У поэта 12 томов написано! Но поскольку факт остается фактом, читайте все подряд.

Самолитно дает третий звонок и убегает. Тут все, конечно, бросаются к Марусе Байкиной и умоляют уступить ее «первое место». Говорят ей всякие комплименты и даже сравнивают с Яхонтовым.

Маруся, учитывая создавшуюся ситуацию, категорически отказывается, идет выступать «первым номером» и читает выученные стихи.

«Проходит» Маруся очень хорошо. Вызывают ее раз шесть. Она выходит, кланяется.

Вторым номером пошел Петя Кустиков. Вошел он на сцену так, как будто в кабинет зубного врача. И тоже прочел стихи о паспорте.

И Петя «проходит» очень хорошо. Вызывают его несколько меньше, но вызывают.

Третьим номером вышел на сцену Ваня Лютиков. Вернее говоря, не вышел, а мы его силой вытолкнули.

И Ваня прочел то же самое стихотворение.

Ну, что тут долго рассказывать? Все двенадцать членов нашего драмкружка выходили на сцену и читали «Стихи о советском паспорте» на все голоса. Первые восемь в одиночку, а последние четверо соединились и прочли в унисон, квартетом. А когда этот квартет сбился и забыл слова, то ему из публики хором подсказали.

Прошел этот вечер замечательно. Слушали всех нас очень хорошо. Ни один не ушел. Правда, Вася утверждал, что это потому, что он очень здорово конферировал, а я лично думаю, что очень здорово это стихотворение написано. И слушать его можно много раз. А Вася тут абсолютно не при чем.

ЯКОВ РУДИН

СТАВЯТ, ДА НЕ ТАК

Рис. Л. Соифертиса

— Наши театры высоко ставят Маяковского как драматурга.
— Может быть. Но они не ставят его пьес.

В музее

Протекут десятилетий реки,
Но века! Быть может, тридцать лет.
И в музей мы отдадим навеки
Весь осмеянный тобою бред.
Замороженный, недвижно спит Присыпкин.
Тут же на булавах,

как жуки,
Подхалимские слюнявые улыбки,
Мыслей рабских

тлен и пустяки.
Под стеклом мешанская семейка:
Фигус и клопы, альбомы,

и тибрид: слетел сор,

Этак — так смотришь — канарейка,

грам-
пласт-
промский

вадор.

Вот коллекция рвачей и выжиг,
Вот сушеный юбилейный тост,
Вот лирически плешивый чирик,
Вот на жердочке журнальный дрозд.

При музее есть профилакторий.
Заведется у кого-нибудь нуда,
Заслоняется с «немой тоской во взоре»,
Ну, так что ж, пожалуйста сюда!
Вы тоскуете? Да и с лица усохли?
К жизни потеряли аппетит?
Твой железный стих читают рохле,
Он послушает —

и вновь ключом кипит!
Заседаний меньше. Но на случай,
Чтобы кто-нибудь не засадал, как встарь,
Перед каждым заседаньем твой колючий
Стих читает трюмко секретарь.
И замзав ощупывает тельце:
— Не делюсь ли я напополам?
Нет! Не делится —
Заседнёт и вновь летит к делам.

Самолет, пронзенный ярким светом,
К площади снижается... К твоей...
До чего же хороша планета
В молниях тобой воспетых дней!

Р. РОМАН

А вокруг

скачут критики

в мыле и пене:

— Здорово пишут писатели,
братцы!..

Все замечательно!

Рады стараться!

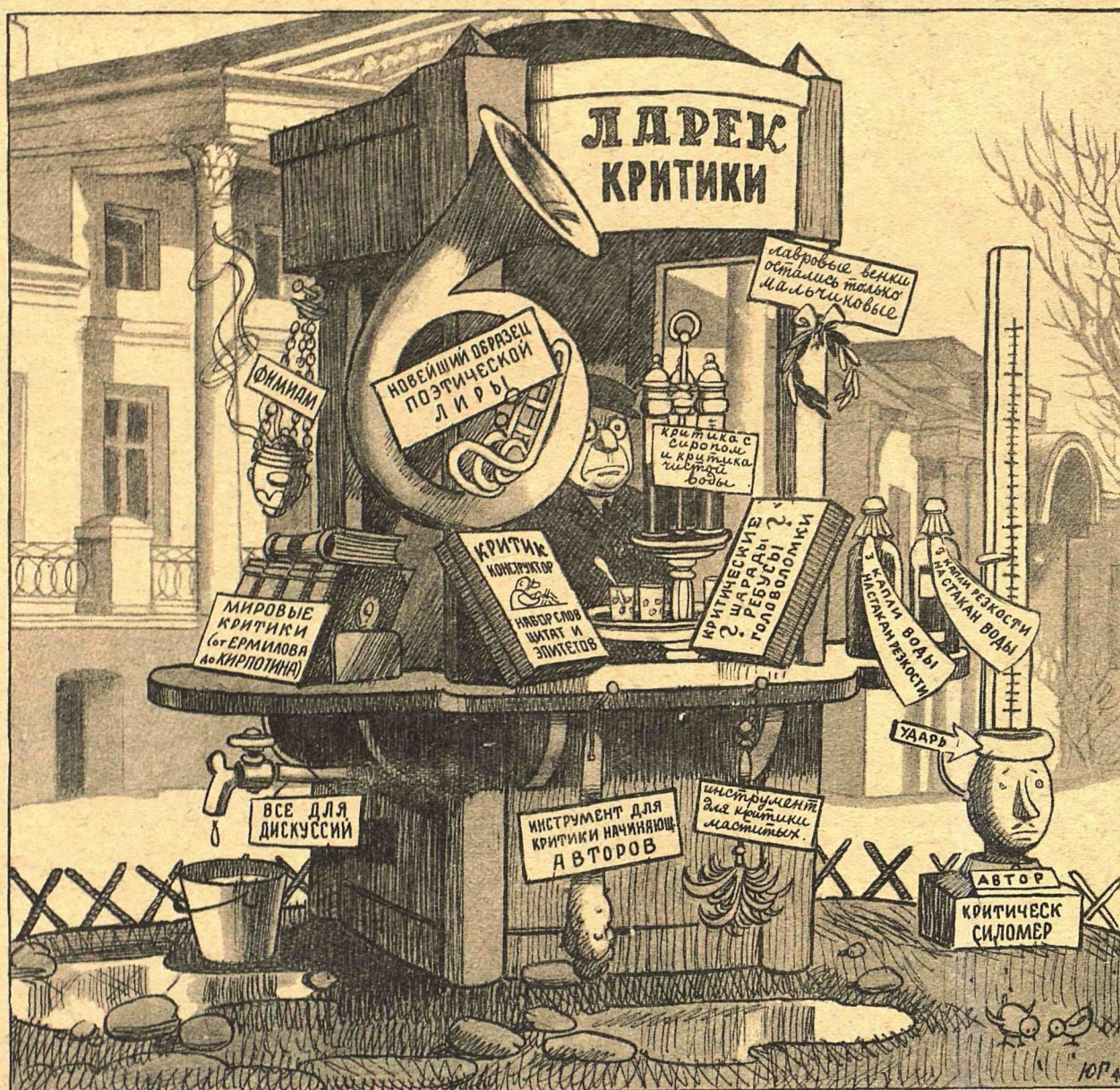

Рис. Ю. Ганфа

На бойком месте.

Хищник

«Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо».

Маяковский

Едва отворится дверь магазина
и день начинает торговое войско,—
подходит к прилавку угрюмый мужчина
с прожорливой, хищной, бездонной «авоськой».
Под усом сварливым ухмылка скупая.
Мерцая зрачками ощеренной крыски,
он бродит по городу, жадно скупая
икру и кальсоны, носки и носовые.
Он бродит—и бредит жратвой и штанами,
толчется по рынкам, бежит в магазины.
И если бы смог он—весь мир с потрохами
упрятал в комоды свои и корзины.
Он предан единой любимой заботе—
безмерно наполнить сундучные клетки,
запасы груза в непреложном расчете—

два тысячелетия прожить на планете!
Добро добывая и тайно и явно,
он сеет тревожные слухи и бредни
и в очередь всякую ходит исправно,
как раньше к заутрене или к обеду.
Немало ничто завидущему глазу!
Лишь в вещи впираются челюсти-клещи.
В свои закрома антикварную вазу
он тащит, считая добытые вещи.
Не смысла в искусстве ни уха, ни рыла,
скупает он бойко любые полотна—
амбарная темень картины покрыла,
и ставни захлопнуты прочно и плотно.
И если бы звезды явились в продаже,
назначили б цену небесному шолку,—
звезду б укупил он и сунул туда же,
в набитую салом и солью кошелку.
Слетаются к людям веселые птицы,
и с песнями весны идут по долинам,
а он озабочен, чтоб шубы и ситцы
упрятать поглубже в сугроб нафталина.
И в душное, затхлое, хищное это—
пржектором острым и грозно-лучистым
внезапно врываются строчки Поэта
о мудром и чистом его бескорыстии.

А.Л. РОХОВИЧ

Когда же встанешь во весь рост
ты,
отдающий жизнь свою им!
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
за что воюем!

Эпизоды*

РУКОВОДИТЕЛЬНИЦА ДЕТСКОГО САДА

— А стоит ли ехать во Владимир?

Я настаиваю:

— Город симпатичный и отнимет у нас один день.

Как условились, в семь с минутами утра я зашел за Маяковским на Лубянский проезд. Он только что проснулся. Одевается быстро: до поезда остается тридцать пять минут. Все готово, можно ехать. Но вдруг приносит из кухни щетку и начинает подметать комнату. Потом ему понадобилась какая-то веревочка.

— У нас, интеллигентов, никогда ничего нет. А вот рядом со мной живет рабочий, у него всегда все есть. Гвоздь, молоток, веревка. Они все уже встали.

Он уходит к соседям и возвращается с веревкой.

— Пока не уберу, не уйду. Успею. Спокойно! А если вы так спешите и боитесь опоздать, бегите к трамваю. Кстати, и мне займите место, а я скоро подойду.

И только, идеально приправив постель и комнату, он сбегает с четвертого этажа, потрясая всю лестницу. На Мясницкой вскакиваем в первый попавшийся трамвай. Такси у Мясницких ворот так

рано, конечно, нет. У Орликова на ходу вскакиваем в трамвай «Б». На Курском вокзале стрелка часов почти на восемь. Со всех ног — к поезду. «Наступаем ему на хвост», вцепившись в последний вагон. Маяковский, не останавливаясь, быстро проходит по вагонам, выбирая свободное купе.

На одной из остановок в купе подсаживается молоденькая девушка. Она оказывается руководителем детского сада. Маяковский заговаривает с ней:

— Вы не латышка?

Она вопросом на вопрос:

— А вы кто по национальности?

— Угадывайте, — предложил я.

Она смотрит на нас обоих.

— Вы (на меня) русский. А вы (Маяковскому) типичный еврей.

Маяковский спрашивает девушку о ее работе, о том, читает ли она детям сказки и стихи.

— Маршака и Чуковского читаете?

— Читаю.

— А Маяковского?

— Такого не знаю.

— Очень жаль! Хороший поэт и пишет очень хорошие детские стихи. Приедете во Владимир, я постараюсь познакомить вас с ним. Он как раз сейчас там. Приходите в Центральный клуб, он там, кажется, сегодня выступает.

Девушка пришла на вечер и привела свою сестру. Увидев меня в коридоре клуба, она сказала:

— А Маяковский, наверно, — большая знаменитость, раз такие большие афиши и большие буквы?

В антракте она пришла совсем смущенная: теперь она узнала, что в вагоне был сам Маяковский. Она пришла и после окончания вечера. В вагоне Маяковский сказал:

— Интересная девушка. Жаль только, что малограмотная, а учительница. Неправильно думают, что в детском саду легче преподавать чем в средней школе. Наоборот. Там квалификация педагога должна быть ничуть не ниже. А может быть, даже выше.

БЕРДИЧЕВ

Подъезжая к станции Казатин, мы вышли на площадку. За нашим вагоном побежал какой-то человек, выкрикивая: «Товарищ Маяковский, товарищ Маяковский!» На нем было три верхних одеяния: пальто и два огромных тулупа, волочившихся по земле. Сперва мы увидели только кончик носа и полглаза. Когда он раскутался, голова его оказалась непропорционально маленькой даже по сравнению с крохотным ростом.

— Товарищ Маяковский, я вас встречаю на замечательных розвальнях! Лошади — прямо прелесть! Я сам доехал сюда почти за час. А вот вам тулуп.

Был 20-градусный мороз при резком ветре.

Возмущенный Маяковский (ввиду только что перенесенной им болезни мы договорились о том, что будет машина и непременно закрытая) стремглав направился к буфету. Представитель Бердичевского театра, с трудом поспевая за ним, уговаривал его на ходу:

— Если вы не поедете и сорвете вечер, так меня снимут с работы. А до этого, если я приеду пустой, то меня вообще разорвут на мелкие части! Сделайте это ради меня! Вы же понимаете: весь город ждет! У нас переполненный аншлаг, давно нет ни одного билета!

По телефону я добился нового обещания выслать машину. Тогда представитель театра, обескураженный, запахнул на себе оба тулупа и поехал домой.

* Автор воспоминаний — П. И. Лавут, помощник В. В. Маяковского в организации его многочисленных выступлений по городам Союза с 1926 по 1930 год.

ПЛОХО СШИТЫЙ ФРАК

А Лондон

чемберленится,

кулак

вздымать

не ленится.

Рис. Б. Ключев

Держится на английских булавах.

В буфете Маяковский облюбовал аппетитный хворост. Проголодавшись, он быстро уничтожил весь наличный запас, без конца запиная его чаем. Официантка косо смотрела на нас и все время намекала, что надо произвести расчет:

— Мало ли что: вдруг уедете и забудете? Я ведь не знаю, каким поездом вы должны ехать...

Маяковский с изысканной вежливостью, но очень настойчиво доказывал ей, что расчет производится по окончании еды, а не посередине, и пил стакан за стаканом.

А машины все не было.

Мальчик — продавец газет и журналов — несколько раз заглядывал в буфет. Уже давно у него никто ничего не покупал, но он приходил, надеясь на новых пассажиров. Кроме того он в буфете обогривался.

Маяковский наблюдал за ним, потом усадил его за наш стол, накормил и велел разложить на столе всю его литературу. Он предлагал мальчику десятки разных комбинаций: «За мой три журнала дай мне один, и я тебе еще приплачу». Или: «За один мой журнал дай мне две газеты». Мальчик подолгу обдумывал каждый вариант и неизменно отвергал его. Хотя все они клонились к явной его выгоде, он боялся какого-нибудь подвоха: чем выгоднее, тем подозрительнее. Кроме того он каждый раз путался в вычислениях. Тогда Маяковский придумал последний вариант: он отобрал десяток газет и журналов, уплатил за них, отдал мальчику почти все свои журналы и дал ему в придачу еще несколько рублей. Это был, вероятно, единственный случай, когда необыкновенный проезжий остался в детской памяти дедом-морозом.

Маяковский так любил журналы, что немедленно просматривал их, даже технические, и выбирал все, что его интересовало. И теперь он погрузился в чтение. Внезапно тишину буфета нарушил резкий звон колокола, вслед за которым обычно объявляют: «Первый звонок! На Одессу! Поезд стоит на втор-о-о-о-м пути!» Но, к нашему и всеобщему удивлению, швейцар зычным голосом провозгласил: «Товарища Маяковского требует к телефону председатель Бердичевского исполкома!»

От телефона Маяковский вернулся с хорошими вестями: полчасу тому назад предисполкома выслал свою машину и заверяет, что публика не разойдется.

Прошло больше часу. Теря надежду, звоню в Бердичев. Оказывается, высланная машина опрокинулась в канаву и при этом пострадала кассирша театра. «А сама попросилась ехать», — сообщили мне потом, — такой редкий случай: заранее продать все билеты, прокатиться в машине и первой увидеть Маяковского.

Оставался только один выход: ехать поездом, отправляющимся в 10 часов 40 минут вечера. Но нельзя надеяться на чудо, предположив, что публика будет ждать с 8 часов почти до 12 ночи.

«Чудо» совершилось.

Войдя в театр, Маяковский прежде всего подошел к директору: — Сколько народу ушло, интересно?

— Человек тридцать-сорок. Зато, правда, самая интеллигентная публика: доктора и инженеры.

— Значит, они меньше всего интересуются стихами. Не жалко, скатертью дорога! Зато кто остался — это настоящая публика. Для такой публики приятно и почетно выступать.

Полтора часа держал Маяковский аудиторию в напряженном внимании.

Гостиница в Бердичеве была переполнена, нас устроили в «Приезжем доме». В крохотной комнате не помещались две кровати. Подали чай.

— Комната маленькая, а самовар — наоборот! Подумаешь, тоже Тула! — смеялся Маяковский.

Наутро первый вопрос:

— Вы не знаете, что интересного в Бердичеве?

— Говорят, в местном костеле венчался Бальзак.

— Не будем терять времени, пройдемся, посмотрим костел...

ЗАПИСКИ И ОТВЕТЫ

Маяковский во время своих выступлений получал десятки тысяч записок.

Иногда казалось, что одно и то же лицо настигает его в разных городах: до того были похожи порой одна на другую некоторые записки: обывательские, грубые, тупые, беспринципные и... нецензурные.

— Я прекрасно понимаю, что ругательные записки пишутся одиночками, а не всем залом. Но и над ними я потею достаточно, чтобы доказать, рассказать и оправдаться, — объяснял Маяковский на одном из выступлений.

Большинство таких записок оставалось безответными.

«Любили ли вы когда-нибудь девушку, и какова была ваша любовь? Простите».

«Поэт Влад. Маяковский. Открой нам правду: почему ты здесь прочел нам стихи в рифму, а в газете пишешь какую-то мишу? Там всегда неразбериха и ни одного нет рифмой акrostиха, тогда как для любителя читать можно такой работой душу измотать».

«Как вам кажется Воронеж после Нью-Йорка и других городов?»

«Хотя вы и хулиган, но все-таки до Пушкина, Лермонтова вы и в несколько лет не дойдете».

«Почему вы не пустили в продажу свои сочинения и фотографические карточки? Они здесь хорошо бы разошлись, и вам бы плюс к дальнейшему кругосветному путешествию».

«Приходилось ли вам за границей читать свои произведения, и если да, то как вас там, понимали или нет?»

«Тов. Маяковский. Ваши стихи хорошо читает Бася Бисевич. Вам далеко до нее».

Немало ярких, острых и молниеносных ответов разбросано им по городам Союза на записки такого типа:

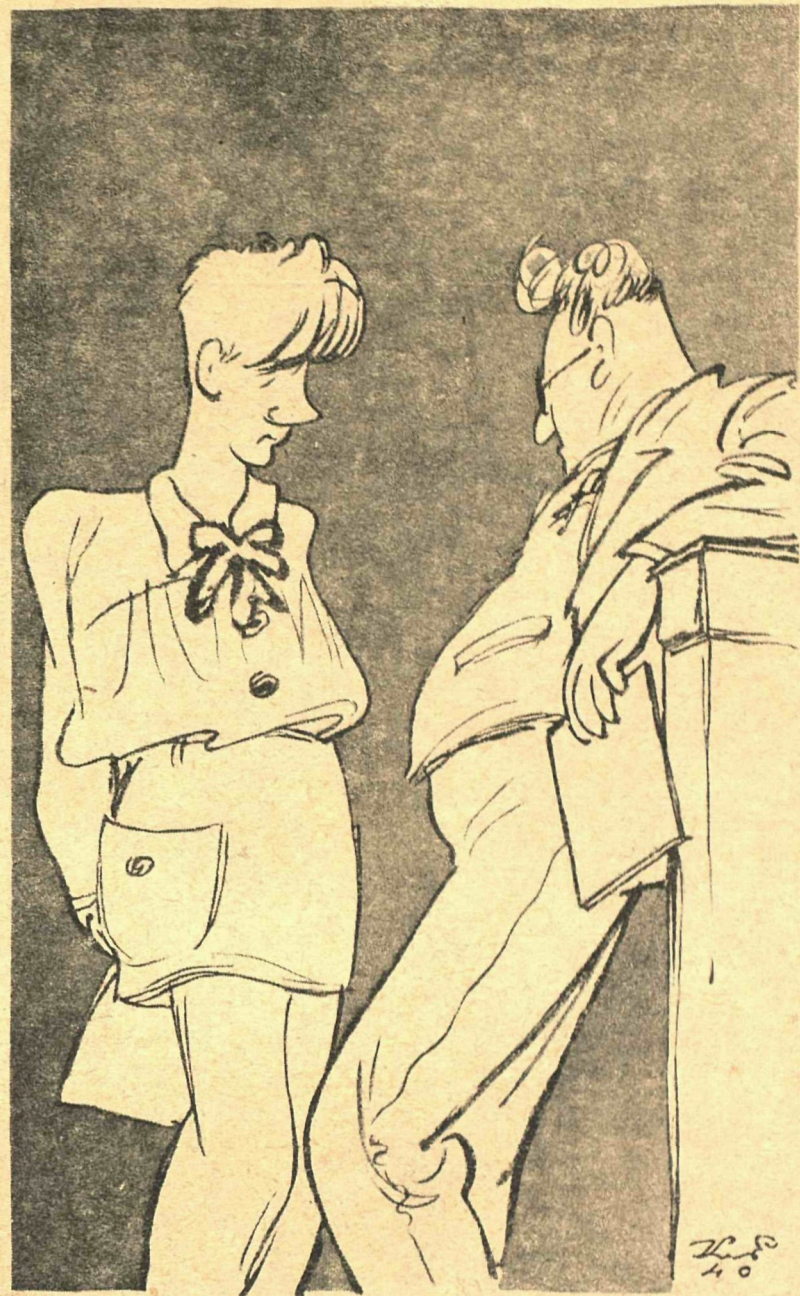
«Почему рабочие вас не понимают?»

«Напрасно вы такого мнения о рабочих».

«Вот я лично вас не понимаю».

«Это ваша вина и беда».

«Почему вы все хвалите себя?»

— Трудно в наше время прославиться...

— Почему!

— Раньше, бывало, напишешь какую-нибудь ерунду, Маяковский высмеет, вот и прогремишь на весь Союз.

«Я говорю о себе как о своем производстве. Я рекламирую и продвигаю продукцию своего завода, как это должен делать хороший директор».

«Почему другие поэты не занимаются писанием рекламных лозунгов?»

«Я им тоже говорил об этом». «Сколько вы получаете за свои выступления, если это не секрет?»

«Паришная манера подсматривать в чужие горшки. Нет, это не секрет. Иногда ничего не получаю, а иногда много. Чтобы вам спокойнее было, сообщаю, что с вами делиться не собираюсь. Почему-то обычно деньги платят таинственно, делают это втихомолку. А я могу здесь же, сейчас же, при вас произвести расчет. Я не доктор, и мне деньги не суят в кулак и не преподносят в конверте. Ведь зарплату дают вслух и даже в цех

приносят. Почему же честно заработанных денег стесняться? Я могу получить их на глазах у публики. Тогда вам станет легче?»

«Почему вы так свободно себя держите? Ваш доклад — скорее веселое времяпрепровождение».

«Я стремлюсь к тому, чтобы доклад был живым, а не сухо-академическим и нудным. И думаю, что мне это до некоторой степени удастся. Я вообще считаю, что и жить и работать надо весело. Если бы мое выступление было неинтересным, народ уходил бы. Но, как видите, никто не уходит. Впрочем, я должен сознаться, что однажды был такой случай: женщина поспешно покинула зал. Однако мои огорчения быстро рассеялись, как только я узнал, что ей вышло время кормить ребенка».

П. ЛАВУТ

Нет,
не та „молодежь“,
кто весной
ночами хорошими,

раскривлявшись
модой одеж,
подметает
бульвары
клешами.

5994

Рис. Л. Бродаты

— Ты хорошо знаешь Маяковского!
— Вдоль и поперек. Это же бывшая Садовая-Триумфальная.